

И. Е. Баренбаум называет «Повесть временных лет» «первым трудом по истории Руси, составленным в XI—XII веках» (21). В действительности «Повесть временных лет» была не первым, а уже четвертым летописным сводом после Древнейшего (1037—1039 гг.), свода Никона (1073 г.) и Начального (1093—1095 гг.). Составлена она была около 1113 г.

Несколькими страницами далее рассказывается, что в Нижнем Новгороде «была составлена знаменитая Лаврентьевская летопись ... Свое название она получила по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 1377 году с какой-то „ветхой“ рукописи» (26). Из этих слов читатели могут сделать только один вывод, что науке неизвестно, какая «ветхая» рукопись была переписана Лаврентием. Это определение И. Е. Баренбаум заимствовал из статьи «Летопись Лаврентьевская» в «Большой советской энциклопедии». На самом деле Лаврентий переписал великокняжеский Тверской свод 1305 г., в составе которого находилась и «Повесть временных лет». Из Лаврентьевского списка мы и знаем лучшую редакцию этого величайшего памятника древнерусской литературы. Обо всем этом подробно говорится в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение»,² из которой И. Е. Баренбаум взял отдельные сведения, не приметив главного.

Знаменитый Изборник 1076 г., состоящий из переводных сочинений, в основном отцов церкви, И. Е. Баренбаум объявляет «первым дошедшим до нас образцом древнерусской светской литературы» (24). «Домострой» назван в качестве примера «книг бытового характера» (32), в то время как этот памятник является кодексом морали и нравственности своего времени, а также трактует такие, отнюдь не бытовые вопросы, как взаимоотношения между подданными и царем.

Совершенно непонятно деление монументальных исторических сочинений, созданных в XVI в., на «церковные и общерусские исторические летописные своды» (31). Составление грандиозных летописных сводов при Иване Грозном носило единый государственный характер. В нем принимали участие как духовные (например, митрополит Макарий), так и светские лица (например, Адашев, Висковатый).

Несколькими строками ниже читаем и вовсе странное противопоставление «многотомных исторических сводов и летописей» (31). Чем же отличаются летописи от многотомных исторических сводов?

О «знаменитой „Геннадиевской Библии“, названной так по имени новгородского архиепископа Геннадия» — как правильно пишет И. Е. Баренбаум — говорится, что она была создана в Москве (26). Козьма Индикоплов (от греческого «Индикоплевст» — «плававший в Индию») превратился в Индикоплава (21). Точно так же «Шестоднев» превратился в несуществующий «Шестоглав» (21).

Известный печатник Франциск Скорина, как утверждает И. Е. Баренбаум, выпустил в начале XVI в. «первое русское издание Библии» (29). Автор буквально понял название этого издания «Библия руска», не заметив, что приводимая им тут же цитата из Послесловия Скорины написана, как и вся книга, не на русском, а на белорусском языке. Район «северного Причерноморья» И. Е. Баренбаум называет «южнославянскими землями» (20). Северное Причерноморье, если даже понимать это как северный берег Черного моря, а не как северную часть причерноморских областей, никогда не было «южнославянскими землями».

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 287, 295, 427—431 и др.